

Мысли по поводу случая в Скоплье.

Читатель обратил, вероятно, внимание на информацию в этом номере из жизни казаков в Скоплье и согласится также, что случай невольно наводит на размышление о том, как еще много неразберихи может твориться между нами в силу отсутствия общественной опытности и политической определенности. Пора нам убедиться уже в том, что организации аполитические, бытовые, организованные для проведения праздников, досуга, приятных воспоминаний, в лучшем случае для самопомощи, уже излишни и не могут иметь положительного значения. Давно пора казакам выяснить в самих себе свое точное политическое лицо и соответственно этому и образовывать организации.

В Скоплье существовала „Общеказачья станица“, видимо с довольно большим числом членов. Стоял во главе ее политически определившийся, видимо, многими уважаемый атаман, по правилам казачьей традиции избранный. Но, так как не было политической опытности и так как станичный атаман все еще не мог отделаться от мысли о необходимости иметь (совершенно в данном случае неуместное) утверждение генерала Науменко, он (самостийник) посылает об утверждении себя централистом Науменко, человеком определенно ведущим работу в духе программы ОСДКТ.

Само собой ясно, что Науменко, оставаясь самим собой, не мог утвердить атаманом большой станицы самостийника Ковгана и не утвердил. Хорошо; правление станицы поступило совершенно правильно, не поспешившись с неутверждением Науменко, пусть даже называющегося атаманом, и жило своей жизнью, никаких неудобств не ощущая от его немилости. Если бы такое положение продолжалось дальше, то было бы вот что: все несамостийники, враги Казачества, ушли бы и образовали новую станицу, с атаманом, угодным Науменко, а старая станица осталась бы чисто вольно-казачьей организацией и это было бы вполне естественно, ибо не могут жить политические враги в лоне одной станицы.

Но желание быть утвержденным свыше, все таки можно объяснить общественной привычкой, но вот совсем не понимаю и не знаю, как объяснить поступок самостийника Я. Ковгана, который встретил Шкуро на станице с хлебом солью! („Кав. Каз.“ № 3). Что это? Идеологическая неопределенность, политическая неразборчивость, или умышленное задобривание „ревизора“?.. Я не ставил бы так вопроса, если бы казаки подносили традиционную хлеб-соль тому, кого они, законно или незаконно считают главою Войска, но кто такой Шкуро? Один из генералов, своими „действиями“ ославивших Казачество в весьма некрасивом свете. Чего-чего, но хлеба соли от станичного атамана он никак не заслуживал вообще, тем более от Я. Ковгана.

Своим выборным Атаманам наши станицы подносили хлеб соль, но никогда их агентам и курьерам.

Но случилось нечто еще более конфузное, судя по информации Портнова. Приезжает г. Шкуро, частью для станицы лицо, пусть даже известное кубанским казакам; станица к его приезду сзывает сбор и вдруг этот „гость“, как пишет наш корреспондент, заявляет, что у „вас атаман не законно избран“ и предлагает называть кандидатов на пост атамана. Нельзя не согласиться, что случай дикий, но еще хуже то, что станичники покорно начинают называть кандидатов, считая поступок приезжаго генерала за вполне нормальную вещь! Вот в этом сказалось отсутствие навыка в общественной работе*). Мало этого, „развязный“ генерал видит, что выборы, произведенные и при его содействии, могут пройти в пользу низлагаемого им старого атамана и он, недолго думая, назначает... „административного атамана“!.. Но это еще ничего, мало ли Шкуро может дикостей выкидывать, пусть бы он назначал каких угодно атаманов, но разве старое правление станицы было вправе передавать дела этому необыкновенному в жизни Казачества „административному“ (чего еще не доставало, прости Господи) атама-

ну? Нет. А правление старой станицы ничего не нашло лучше, как выложить свои дела, да еще отчитываться перед этими, никем не выбранными, лицами, лишь только в силу приказа „гостя“ г. Шкуро. Нет, как хотите, вы, станичники старой общеказачьей станицы, ударили лицом в грязь...

И отчасти хорошо, что Шкуро, так сказать, копнул ногою ваш хлеб соль. Это будет наукой и для вас и для других. Ясно, что Шкуро ехал в Скоплье с определенной миссией — разрушить правление, руководимое вольным казачком, и никаким тут хлебом-солью задобрить его было нельзя и Ковган попал в смешное положение.

Конечно, хорошо, что вы шуруинцев забили в весельи за столом в кафане, не плохо и то, что перетанцевали и перепели их, но, откровенно говоря, вам совсем даже нечем похвастаться. Вам нужно было не петь, а плакать от стыда, что так легко дали себя одурочить простому захрапу. Ведь это если по вашему примеру идти, завтра же генерал Богаевский пошлет какого-нибудь своего эмиссара и прикажет посиживать с постов всех вольноказачьих атаманов по Франции. Они это хотели уже и делать, но, во-первых, та станица, которая имела неосторожность обратиться за „высочайшим утверждением“, оказалась все таки под конец настолько умной, что начала на неутверждение Богаевского и на его предложение переизбрать и не оказалась в постыдном положении, а другие станицы, уже организованные по чисто политическому единству, совсем не сочли нужным обращаться за утверждением и Богаевский туда уже не свертается...

Вот что каждый вольный казак должен твердо помнить: атаманы наши (формально-бывшие, конечно) не разрешают казакам принадлежать к вольно-казачьему течению и если кто из казаков, тем не менее, имеет смелость исповедывать эту идею, тот должен уже знать, что ему к Науменко и Богаевскому незачем обращаться ни по какому делу, тем более за утверждением...

Второе, это то, что где только есть хоть три-четыре вольных казака, они должны заложить свою вольно-казачью организацию и держать связь с вольно-казачьим центром, т. е. с центром своего политического движения. Ведь это так ясно, что долгих пояснений не требует.

Печально, что казаки так разделились, но такой факт есть и это нельзя забывать. Конечно, путем открытых бесед, путем честной мысли казаки могут сговориться и придти к одному, но с господами Богаевскими все покончено, ни они для нас и ни мы для них уже „своих людей“ не представляем, это наши национально-политические враги и между нами сентиментальностей уже быть не может...

Но, так или иначе, Скоплянская Общеказачья станица попала в незавидное положение. Что теперь делать?.. Единственное это — заложить свою вольно-казачью станицу, если вас там есть десяток человек; хутор, если пять-шесть; курень, если три человека. Соответствующие инструкции для таких образований и на первые шаги „ВК“ уже даны и в каждом почти номере „ВК“ приходится регистрировать вольно-казачьи организации, возникающие по этой инструкции в разных странах. Это совершенно правильно, неизбежно и необходимо, коль скоро мы занимаемся политикой, а не словоговорением.

„Ой гук!“ песня хорошая, но плохо, что заезжий генерал закрыл вашу станицу и назначил „административного атамана“, а вы с этим согласились...

Давно пора нам, казакам, политически определиться, знать кого встречать обьятиями, а кого послать куда следует, если посягают на ваши права и суются туда, куда не следует. Вольным казакам приходится в этом отношении ставить минус в сравнении с другими партиями. Чаще всего наши вольные казаки суются с своими информацией и другими материалами в чужие для нас журналы: в „РК“ (когда он был), „КД“ и „КК“, как будто им места нет в своем вольно-казачьем журнале. Ведь „русские казаки“ нам своих материалов не дают, наших руководителей с хлебом солью тоже, вероятно, не встретят...

*) От ред. Затем некоторые генералы и добиваются от казаков, чтобы они не занимались политикой.

Никогда не нужно гнаться за количеством, если это связано с политической неопределенностью; нам нужны только настоящие, безоглядные, бескомпромиссные вольные казаки, не боящиеся открывать и защищать свои политические исповедания. В этом отношении Я. Ковган всегда мне представлялся стопроцентным, этого убеждения не оставляю и сейчас, а потому, мне кажется, что он просто попал впросак с своим окружением по политической неопытности. Да послушит ему и другим шкурковский урок на пользу.

Ш. Н.

Прикормленный волк не всегда в лес смотрит, а иногда и в тот двор, где его накормили.

По моему, совершенно нечего удивляться тому, что генерал А. Шкуро отказался подписать предложенное ему казачьей студенческой молодежью в Белграде заявление о том, что он (Шкуро) будет честно бороться только за идеалы, честь и достоинство Казачества. Да, много их у нас найдется, к сожалению, таких старых военных и политических деятелей, которые на словах, когда нужно поморочить казакам голову, будут бить себя в грудь и кричать о любви к Казачеству, что жизнь отдадут и пр., но подвернись случай на деле это показать, так они и закрутятся. Белградские студенты очень умно поступили, что так прижали к стенке А. Шкуро. Давно ли он из кожи лез в Новом-Саду, доказывая казакам о том, какой он преданный нам казак, а вот когда дело коснулось публичного, документального подтверждения этой его любви, он „открутился“. Теперь ясно, что у него на словах одно, а на уме другое.

Стоит только оглянуться назад, в недалекое наше прошлое, чтобы увидеть в нашей жизни предательскую роль не одного из наших волков, прикормленных Россией. Говорят, что „времена меняются, а с ними и люди“, но теперь приходится добавить к этому, что и волки меняются. Раньше была вера, что сколько волка не корми, а он все в лес смотрит, а теперь и волки пошли уже не те...

Много, много их, наших же казаков, увлеченных ролью „общероссийского масштаба“, чинами и орденами, высокими постами и другими царскими милостями, предавали интересы своего народа. То что творилось над Казачеством с июня 19 года вплоть до сдачи

Кубанской Армии на Черноморском побережье, нельзя в отношении многих наших тогдашних вождей иначе рассматривать, как предательство. А ведь многие из них могли в те трудные дни оказать неоценимые услуги Казачеству, будь они на самом деле преданы интересам его. Например, вспомнить только случай с нашей Радой; ведь можно было предостеречь кого надо, а могли и решительным словом многое предотвратить, а что мы видели?.. сами поддерживали, а иные и науськивали посторонние силы на свой парламент, на своих народных избранных. Например, роль бывшего Атамана Филимонова?..

Нет, господа Шкуро и Филимоновы, довольно с вас. Раз мы были обмануты вами, да не дай нам Бог ошибиться и другой раз. За вами теперь мы не пойдем. Достаточно того, что, идя за вами, я уже пролил кровь (в буквальном смысле слова). Казачество тогда не было политически и национально сознательным, да теперь уже у нас глаза, слава Богу, хоть немного приоткрылись. Много вы нас околпачивали, на нашей простоте делая свои дела, да теперь у нас прояснилось после жестокого урока разум и будут у нас опять, как у наших дедов, свои Кошевые, преданные делу казачьей свободы, предпочитающие родное казачье спасибо, царской награде за предательство своей родины.

Вы учуяли, что просыпается Казачество и забеспокоились и потому пошли такие доклады, вроде Харламовских, где он тишето старался доказать, что самостоятельное движение среди Казачества новое и ответственное явление. Если бы это было так, то вам не надо было бы беспокоиться. Вы это говорите, но сами этому не верите. Самостийное движение в Казачестве это наше, чисто народное, казачье движение. Я простой казак, в политике не умудрен, но знаю, что я — казак, а не русский, и за Казачество и его свободу жизнь готов отдать.

Надо нам, братцы казаки, уметь отличать волка, прикормленного Москвой, от волка настоящего. Прикормленный волк, это все равно, что собака, — кто хорошо накормил, тот и хозяин. Нужно нам научиться отличать своих настоящих, нам преданных казаков, без различия Войска, от казаков, которые могут быть предателями Казачества, а особенно упаси Боже доверять тем, которые уже однажды нас обманули и погубили.

Сотник Анфим Андруха (инвалид).

Сошо. Франция.

Пресса.

„Prométhée“ по случаю 100 номера „В.К.“

В издающемся в Париже на французском языке „Прометее“ — ежемесячном журнале, посвященном делу проповеди во внешнем мире освободительных стремлений Украинно-Кавказо-Туркестанских, в вышедшей мартовской книжке помещена следующая статья г. М. на французском языке под заглавием: „La Cosaquie libre“, посвященная 100 номеру „В.К.“:

„Вышел 100-ый номер двухнедельного журнала „Вольное Казачество“. Мы хотим отметить на страницах „Прометее“ этот юбилей, как знаменательную дату не только в жизни самого казачества, но и в общем развитии идеи национального самоопределения. Если борьба за национальную самостоятельность Украины, Кавказа и Туркестана кажется всем вполне естественным стремлением не русских народов к государственной независимости, то к идее создания самостоятельного государства казаков, носителем и поборником которой является „Вольное Казачество“, многие привыкают не сразу. Объясняется это тем, что большинство из нас, если не все мы, привыкло считать казаков неразрывной частью русского народа и даже оплотом русского государства. И нужно быть благодарными русской революции, разрушившей многое множество привычных нам понятий и в том числе наше старое

представление о казаках, при свете истории не выдерживающее серьезной критики.

Заслуга „Вольного Казачества“ именно в том, что оно, утверждая идею о казаках, как об особой национальной формации, делает отсюда вполне логические выводы о праве казаков на самостоятельное, независимое от России государственное бытие.

Для внимательных читателей „Вольного Казачества“ ясно, что свое право на государственную независимость „вольные казаки“ основывают не на одном только историческом прошлом, но и на наличности особой казачьей территории и, что особенно важно подчеркнуть — на наличии казачьей психологии, совершенно отличной от психологии русских.

О силе казачьей психологии, отличающей казаков от русских, можно судить хотя бы по тому, что даже такой „русский“ казак-профессор Марков, сторонник вхождения казаков в федеративную связь с Россией, и тот вынужден говорить, что, „если Россия не даст казакам федерации, то он (Марков) будет защищать самостоятельность“ (см. „В.К.“. № 98, стр. 27).

Мы хотели бы и здесь, в заявлении профессора Маркова, подчеркнуть роль „Вольного Казачества“: не будь постоянного упора „В.К.“ на особую национальную